

Гулюк М. А.
кандидат ист. наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
БГУИР

УЧАСТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Реорганизация армии. После поражения в русско-японской войне Генеральный штаб и его начальник Ф. Ф. Палицын разработали план реформы сухопутных сил России. Однако по-новому российская армия была организована только к июлю 1910 г. До реформы все рода войск России имели собственную структуру. С 1 июля 1910 г. все части были унифицированы (по образцу пехотного полка, состоявшего из четырех батальонов), что облегчило управление ими. Кроме того, войска перешли на защитную форму одежды (чего не было, например, во французской армии), а призыв в армию стал проходить по территориальному признаку. Особенностью реорганизации армии стало то, что она, по требованию Николая II, была проведена без дополнительных финансовых затрат. Удалось достичь даже экономии средств — содержание новой армии стоило на 3 000 рублей в год меньше, чем до реформы.

Особое совещание под председательством П. А. Столыпина в 1910 г. решило, что в дальнейшем все военные ассигнования должны делиться поровну между армией и флотом. Это вызвало протест генералов, которые доказывали, что окончательная победа в любой войне зависит от армии, но не от флота. Однако эти возражения не изменили положения дел. Не только П. А. Столыпин, но и сам царь хотел поскорее сделать Россию великой морской державой и забыть позор Цусимы.

В результате Морское министерство во главе с министром И.К. Григоровичем начало перетягивать одеяло на себя. Уже в апреле 1911 г. Николай II получил от И. К. Григоровича грандиозный проект закона «Об императорском Российском флоте», рассчитанный на 20 лет. Для его реализации требовалось более 2 млрд. рублей. Первые пять лет отводилось на модернизацию Балтийского флота. Для этого к уже заложенным в 1909 г. четырем линкорам предполагалось построить четыре броненосных и четыре легких крейсера, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В результате к 1916 г. Балтийский флот получил бы

полную боевую эскадру. Проект был одобрен Николаем II, а первый этап модернизации флота в июне 1912 г. утвержден Госдумой.

В июне 1914 г. была принята и «Программа усиления Черноморского флота», которая предусматривала строительство одного линкора, двух легких крейсеров, восьми эсминцев и шести подводных лодок. Всего в 1908—1913 гг. были приняты четыре судостроительные программы на сумму 800 млн. рублей, завершить которые планировалось в 1917—1919 гг. В итоге в предвоенные годы по расходам на флот Россия вышла на третье место в мире (после Англии и Германии).

На содержание сухопутной армии за тот же период было выделено только 880 млн. рублей. При этом, утверждая чрезвычайные кредиты на развитие армии, Госдума выступила против увеличения косвенных налогов, главным из которых было повышение цены на водку. Поэтому правительству пришлось искать другие средства. В результате сократились ассигнования на пополнение боеприпасов и разработку новой военной техники. В 1908—1913 гг. они были уменьшены для артиллерии на 67 млн. рублей, для инженерного имущества и авиации — на 15,3 млн. рублей, для производства стрелкового оружия и патронов — на 16,4 млн. рублей.

Перекус в распределении средств между Морским и Военным министерствами вызвал еще более плачевные последствия в фортификационном строительстве. Российская граница на западе нигде не совпадала с естественными преградами и глубоко вдавалась в территорию враждебных стран. Поэтому стратегическое развертывание армии было отнесено назад, на линию Неман — Брест-Литовск. На этом рубеже планировалось построить или модернизировать крепости Гродно, Ковно, Усть-Двинск. Однако работы шли очень медленно и к 1912 г. были готовы только проекты этих крепостей. Завершение же самого строительства планировалось к 1930 г.

Военные договоренности с Францией и Англией. Союзный договор между Россией и Францией был подписан еще в августе 1891 г. Через год стороны заключили и военную конвенцию, ратифицированную в январе 1894 г. Россия обязалась выставить против Германии 700—800 тысяч солдат, чтобы заставить ее вести войну на два фронта. Однако, в 1913 г. в текст конвенции внесли серьезные изменения. Теперь Россия брала на себя обязательство не просто выставить 800 тысяч солдат, но сделать это к 15-му дню мобилизации и немедленно организовать их вторжение на германскую территорию. Такова была цена, которую российское правительство (в лице начальника Генерального штаба Я. Г.

Жилинского, подписавшего в Париже это уточнение) соглашалось платить за французские военные кредиты и поддержку своего железнодорожного строительства. В 1912 г. состоялось подписание и русско-французской морской конвенции, которая предусматривала, в случае войны, переброску части Балтийского флота в Средиземное море на французскую базу Бизерта.

В августе 1907 г. было достигнуто русско-английское соглашение о разделе зон влияния в Персии, Афганистане и Тибете. В 1908 г. английский король Эдуард VII впервые за всю историю дипломатических отношений посетил Россию. На встрече, которая происходила в Ревельском (Таллинском) порту на яхтах коронованных особ, стороны договорились совместно выступить против Германии в случае войны в Европе. Таким образом, Россия фактически присоединилась к англо-французскому соглашению, получившему название Антанта (по-французски – «Сердечное согласие»). Тем не менее, британское правительство воздержалось от превращения Антанты в формальный союз, считая, что Россия и без него вынуждена будет вступить в войну. Чувствуя ее приближение, министр иностранных дел России С. Д. Сазонов настойчиво пытался заключить с Англией военно-морскую конвенцию, чтобы придать русско-французскому союзному договору «фактор морской силы». Однако только в июле 1914 г. был согласован проект военно-морской конвенции между Россией и Англией, подписать которую помешала война.

Таким образом, державы Антанты вступили в войну, не связанные между собой общим союзным договором, который регулировал бы их отношения и взаимные обязательства перед лицом неприятеля. Это давало германской дипломатии определенные надежды на невмешательство Англии в будущую войну на континенте.

Большая военная программа 1913 г. Для того, чтобы ликвидировать отставание России от Германии в военно-технической области, в 1913 г. была принята «Большая военная программа», рассчитанная до 1917 г. По этой программе, общая численность армии в мирное время увеличивалась на 39 %, или на 480 тыс. человек. При этом количество кавалерии возрастало на 8 % (на 384 тыс. человек), пехоты — на 57 % (на 273,6 тыс. человек). Особое значение придавалось развитию артиллерии, численность которой увеличивалась на 129,6 тыс. человек. В дивизиях удваивалось число легких полевых гаубиц, создавались дивизионы тяжелой артиллерии. Таким образом, после завершения реформы российский армейский корпус по огневой мощи почти не

уступал бы германскому пехотному корпусу. Правда, в отличие от немецких, придание российским полевым частям тяжелых осадных орудий не предусматривалось. Общую же численность артиллерии российской армии к 1921 г. планировалось довести до 8538 орудий.

Программа предусматривала и внедрение новейших видов вооружений, в создании которых российские конструкторы в начале 1910-х гг. сделали настоящий прорыв. В 1913 г. И. И. Сикорский построил на Русско-Балтийском заводе в Петербурге первый в мире четырехмоторный самолет «Русский витязь», а через год — самолет «Илья Муромец» (мощность двигателя 400 л. с., грузоподъемность 1,3 тонны). Экипаж «Ильи Муромца» в 1914 г. впервые применил парашют, изобретенный в 1911 г. Г. Е. Котельниковым. В 1913 г. русский конструктор Д. П. Григорович построил первый в мире гидросамолет. В 1914 г. Россия имела 216 самолетов и 14 дирижаблей, незначительно уступая только Германии. Во Франции на тот момент было всего 162 самолета и пять дирижаблей. На вооружении российской пехоты находилась трехлинейная винтовка, созданная еще в 1891 г. русским офицером С. И. Мосиным. В 1908 г. к ней был изобретен новый патрон с остроконечной пулей. После этого прицельная дальность трехлинейки С. И. Мосина возросла до 2276 метров, что сделало ее лучшей в мире. Превосходными качествами отличалась и русская полевая артиллерия.

Для финансирования «Большой военной программы» требовалось полмиллиарда рублей, которые правительство надеялось найти внутри страны, не прибегая к внешним займам. Руководство Германии знало об этой программе, как и о том, что к ее реализации приступили лишь с 1914 г. Официально программа была утверждена только 24 июня 1914 г., поэтому к началу войны была сформирована только одна новая стрелковая бригада.

Начало Первой мировой войны, ее характер. Вступление России в войну. В июне 1914 г. Австро-Венгрия устроила на границе с Сербией военные маневры, на которые прибыл наследник престола эрцгерцог Фердинанд. 15 (28) июня 1914 г. он проезжал по узким улицам пограничного городка Сараево, когда в автомобиль была брошена бомба. Гибель казалась неминуема, но эрцгерцог, не потеряв присутствия духа, сумел выбросить ее наружу. На обратном пути из ратуши, где был организован торжественный прием, кортеж наследника на минуту остановился на месте первого покушения. В это время из толпы выскочил 19-летний студент Гаврило Принцип, член сербской террористической организации «Молодая Босния», и дважды выстрелил

из револьвера. Одна пуля попала эрцгерцогу Фердинанду в шею, вторая — его жене в живот. Оба через несколько минут скончались на месте. Это стало мстью за аннексию Боснии и притеснения сербов в Австро-Венгрии.

Узнав об убийстве в Сараево, германский император Вильгельм II вызвал австрийского посла и произнес: «Теперь или никогда». Лучшего повода к войне найти было нельзя. Кайзер посоветовал Австро-Венгрии напасть на Сербию и стереть ее с политической карты Европы. При этом Австро-Венгрии была обещана полная поддержка Германии. 10 (23) июля 1914 г. австрийское правительство вручило Сербии ультиматум. Он требовало запретить антиавстрийские организации и пропаганду, уволить из сербской армии неугодных Австро-Венгрии офицеров, а также допустить на территорию Сербии представителей австрийского командования для расследования убийства. Для принятия ультиматума, попиравшего национальный суверенитет Сербии, был дан срок 48 часов. Одновременно в германской прессе началась шумная пропагандистская кампания против южных славян и их покровительницы России.

Николай II был возмущен сараевским убийством. Однако он считал, что причиной этого теракта стала антисербская политика Австро-Венгрии, и Сербии надо обратиться с жалобой в Гаагский трибунал. Кроме того, ни Россия, ни Сербия не были готовы к войне. Россия не была даже уверена, что в войне с Австро-Венгрией ее поддержит Франция. Поэтому, по совету министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, 12 (25) июля 1914 г. Сербия приняла все условия ультиматума, кроме требования допустить на свою территорию австрийских военных. Однако Австро-Венгрия заявила, что ее ультиматум отвергнут. 15 (28) июля 1914 г. она объявила Сербии войну и начала артиллерийский обстрел Белграда. В ответ Россия 17 (30) июля объявила всеобщую мобилизацию. Германия 18 (31) июля потребовала от России прекратить мобилизацию и, не получив ответа, 19 июля (1 августа) объявила ей войну. 21 июля (3 августа) Германия объявила войну Франции и Бельгии, отказавшейся пропустить германские войска через свою территорию. 22 июля (4 августа) Великобритания объявила войну Германии. Вместе с ней в войну вступили и британские доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и крупнейшая колония Индия.

Первая мировая война стала национально-освободительной для Сербии и Черногории, а также Бельгии, защищавших свой национальный суверенитет и не имевших никаких территориальных претензий к

странам-агрессорам из «Четверного Союза» (такое название получил военно-политический блок, в который вошли Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция). Вместе с тем согласно ленинской установке о том, что «двое хищников успели напасть раньше, чем трое подготовились», до недавнего времени считалось, что остальные участники войны — как страны Четверного союза, так и Антанты — в равной мере виновны в ее развязывании. На самом деле, это было совсем не так.

Главным виновником войны стала кайзеровская Германия. С конца XIX в. она вынашивала планы установить свою гегемонию не только в Европе, но и во всем мире. Прежде всего Германия хотела раздавить Францию, превратив ее во второразрядную державу, и отнять у нее большинство колоний. Англичан Германия хотела вытеснить с Ближнего Востока и Африки. Но особенно масштабными были притязания Германии по отношению к России, у которой планировалось отнять всю Прибалтику, Украину и Крым. По существу Германия ставила задачу отбросить Россию в допетровские времена. Не случайно Вильгельм II неоднократно заявлял о неизбежности общеевропейской войны германцев и славян. Захватнические цели преследовала и Австро-Венгрия, которая хотела аннексировать Сербию и Черногорию, а также отрезать от России часть украинской и польской территории.

Неодинакова была и вина стран Антанты. Если Франция готовилась к реваншу, чтобы вернуть Эльзас и Лотарингию, а Англия своим двусмысленным поведением позволяла Германии надеяться на свой нейтралитет, то Россия до последнего момента надеялась избежать войны. У нее были серьезные противоречия с Германией. Российское правительство беспокоило германская экономическая экспансия. К 1914 г. на долю Германии приходилось 49,6 % всего внешнеэкономического торгового оборота России, в то время как на Англию — 13,3 %, а на Францию — 4,6 %. В России проживало 170 тыс. германских и 120 тыс. австро-венгерских подданных, в то время как французов — только 10 тыс., а англичан — 8 тыс. человек. Кроме того, только в Поволжье жили 600 тыс. немцев-колонистов, а на Волыни — еще 200 тыс. Именно широкомасштабное присутствие германского капитала и большое количество этнических немцев в России вынуждали правительство искать мирное решение российско-германских противоречий. Россия не имела и территориальных притязаний к соседям, потому что в ходе Венского конгресса 1815 г. ее западная граница была проведена так, как настаивал Александр I.

Россия оказалась в положении страны, которой объявили войну и вынудили защищаться. К тому же, отказавшись заступиться за сербов, она могла окончательно потерять статус великой державы, серьезно «подмоченный» дипломатическими поражениями последних лет. Поэтому в начале войны цели России были очень скромными: воссоединить единую Польшу под скипетром дома Романовых, а также вернуть Галицию со Львовом, завершив «собрание» восточнославянских земель. Захватывать Босфор и Дарданеллы до вступления Турции в войну Россия не планировала. Она хотела только обеспечить свободное плавание через черноморские проливы российских судов. В то же время ставилась задача отобрать у Германии нижнее течение Немана, чтобы обеспечить российскому лесу и хлебу беспрепятственный доступ в Балтийское море. Эти цели были понятны российским дипломатам, промышленникам и интеллигенции, но не многомиллионной массе российских крестьян.

Получив известие о бомбардировке Белграда, Николай II решил объявить частичную мобилизацию в пограничных с Австро-Венгрией военных округах. Еще до ультиматума (12 (25) июля 1914 г.) войска в них были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Однако, к удивлению царя, оказалось, что плана частичной мобилизации у российского Генштаба нет. Существовал только план всеобщей мобилизации, которую и предложено было объявить. Царь не хотел идти на этот шаг, прекрасно понимая, что Германия воспримет его как подготовку к войне. Войны же Николай II всеми силами старался избежать, помня, что революция 1905—1907 г. началась именно после неудачной войны с Японией. Однако начальник Генштаба Н. Н. Янушкевич и министр иностранных дел С. Д. Сазонов убедили царя, что всеобщая мобилизация продиктована союзническими обязательствами России, и она отрезвляюще подействует на Австро-Венгрию.

Через несколько часов после того, как царь подписал указ о всеобщей мобилизации, он получил срочную телеграмму от Вильгельма II. Тот умолял не идти на этот шаг, который неминуемо приведет к войне. Но было слишком поздно. Приказ о мобилизации уже ушел в округа, и Николаю II не хватило решимости публично расписаться в своей ошибке и отменить его. Телефон же Н. Н. Янушкевича оказался сломан, и царь целые сутки не мог дозвониться своему начальнику Генштаба.

17 (30) июля 1914 г. Германия в ультимативной форме потребовала, чтобы Россия отказалась от мобилизации, дав 24 часа на размышление. В

полдень 19 июля (1 августа) срок ультиматума истек. Через 52 минуты посол Германии в России граф Ф. Пурталес позвонил министру иностранных дел С. Д. Сазонову и сообщил, что Германия объявляет России войну. Через четыре часа в Берлине, под ликование толпы, всеобщую мобилизацию объявил Вильгельм II. В 19 часов того же дня России была вручена декларация Германии об объявлении войны. Предъявляя ее, престарелый граф Ф. Пурталес не смог сдержать рыданий и так разволновался, что одновременно отдал две ноты: первую – об объявлении войны, и вторую, заготовленную на случай, если Россия откажется от мобилизации.

До всеобщей мобилизации российская армия насчитывала 1 423 000 солдат. Теперь же в нее ежедневно отправлялось по 360 поездов. К сентябрю 1914 г. было мобилизовано 744 батальона пехоты и 621 эскадрон кавалерии, две трети из которых развернулись в боевые порядки уже на 18-е сутки. Квартирмейстерская служба российской армии совершила почти невозможное. Она смогла найти 214 000 вагонов (в Германии было задействовано 250 000 вагонов), поэтому мобилизация в России завершилась всего на двое суток позже, чем в Германии. К сентябрю 1914 г. численность российской армии выросла до 5 338 000 человек. Армия союзной Франции после мобилизации составила 3 781 000 человек, Англии — 1 000 000. Им противостояли объединенные силы Германии (3 822 000 человек) и Австро-Венгрии (2 300 000 человек).

Ставка Верховного главнокомандующего и генералитет. Великий князь Николай Николаевич. К 1914 г. российской армии удалось преодолеть «манчжурский синдром» и серьезно обновить свой офицерский корпус. Он перестал быть замкнутой привилегированной кастой. Сословные ограничения при поступлении в юнкерские училища были сняты. В 1914 г. 43 % выпускников этих заведений составили дети крестьян и разночинцев. В основном они служили в пехоте и артиллерии. Современники отмечали блестящую выучку российских артиллеристов накануне войны. Аристократия сохранила позиции только в кавалерии и гвардии. Вместе с тем жалование российского офицера было в три-четыре раза меньше, чем германского, и никаких привилегий офицерское звание не давало. Поэтому накануне войны в российской армии не хватало 3000 офицеров. Не был создан и резерв унтер-офицеров. В целом же подготовка младшего и среднего офицерского состава российской армии соответствовала европейскому уровню.

Совершенно иной была ситуация среди российского генералитета. Несмотря на то, что 53 % генералов окончили военные академии, большинство из них так и не научилось ни стратегическому мышлению, ни умению организовывать взаимодействие и связь между войсками. Пренебрежительно относились они и к новинкам военно-технической мысли, считая, что «пуля — дура, а штык — молодец». Как показали позднейшие события, они не умели даже хранить военные секреты. Зато российские генералы вникали во все тонкости чиновничества и субординации, и умело проводили смотры войск перед высочайшими особами. Поэтому Россия вступала в войну с отлично подготовленными командирами рот и батальонов, неплохо подготовленными командирами полков и дивизий и неподготовленными командирами армий и корпусов.

Кроме того, в российской армии было очень много генералов и высших офицеров из прибалтийских немцев. Они верно служили монархии, но были страшно далеки от простых российских солдат. Среди 16-ти командующих армиями в 1914 г. семеро носили немецкие фамилии, двое были поляками, один — голландец и один — болгарин. Сам же российский Генштаб, в котором царила уверенность в скорой и легкой победе, не смог стать мозговым центром армии, а был простым отделом Военного министерства.

На пост Верховного главнокомандующего претендовал 65-летний военный министр В. А. Сухомлинов. Однако царь решил, что возглавить армию должен более харизматический лидер. 2 августа 1914 г. на пост Верховного главнокомандующего был назначен дядя Николая II и внук Николая I великий князь Николай Николаевич. Он участвовал в русско-турецкой войне, за храбрость был награжден золотым оружием и Георгиевским крестом и пользовался большой популярностью в войсках. Николай Николаевич имел чин генерала от кавалерии, в 1905—1908 гг. возглавлял Совет обороны, а перед войной командовал Петербургским военным округом и гвардией. Великий князь искренне ненавидел кайзера Вильгельма II и имел репутацию «князя-рыцаря». Этому образу соответствовала его внешность двухметрового гиганта, а также властное и жесткое поведение. В то же время Николай Николаевич легко поддавался влиянию близких людей и считал неблагородным смещать генералов, которым он покровительствовал, даже если те оказывались профессионально непригодными. Если в первый месяц войны командующий французской армией Ж. Жоффр уволил 30 % генералов и полковников за профессиональную непригодность, то в российской армии такие случаи были единичны.

Однако, несмотря на длительное пребывание на высших военных постах, великий князь так и не приобрел достаточных знаний и опыта, чтобы руководить вооруженными силами России. Последние планы руководства страны по ведению боевых действий он узнал только после своего назначения от начальника Генштаба генерала Н. Н. Янушкевича — профессора Военной академии, имевшего много теоретических знаний, но лично не участвовавшего ни в одной войне. В итоге каждый из командующих фронтов действовал практически самостоятельно, а Николай Николаевич выступал не как главнокомандующий, а как арбитр, примиряющий их интересы. В то же время великий князь властно вмешивался в гражданское управление в прифронтной полосе, а также в любые вопросы, касавшиеся снабжения армии, во внутренних губерниях. Этим он настроил против себя Совет министров.

Местом для Ставки были выбраны Барановичи — центр крупного железнодорожного узла. Здесь, в лесу на окраине, в нескольких вагончиках размещался весь штаб — великий князь с 25 высшими офицерами. Жизнь в Ставке протекала тихо и размеренно, без того нервного умственного напряжения, с которым работали в штабах противника. На передовую Верховный главнокомандующий и его адъютанты выезжали редко, а телефонную связь провели в Ставку лишь в октябре 1914 г. На совещаниях Николай Николаевич отвлекался и не вникал в детали военных операций, которые разрабатывали его помощники — генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов и начальник Генштаба Н. Н. Янушкевич. На самых важных совещаниях, например, в сентябре 1914 г., Николай Николаевич вообще отсутствовал. Серьезные разговоры генералов навевали на него сон, и великий князь предпочитал им молитвы о даровании скорой победы над врагом.

Ход военных действий в 1914 г. Галицийская битва. 21 августа 1914 г. пять немецких армий под командованием фельдмаршала Г. Мольтке, вторглись в нейтральную Бельгию. В тот же день к бельгийской границе выдвинулись шесть англо-французских армий под командованием генерала Ж. Жоффра. В ожесточенном пограничном сражении 21—25 августа, в котором с обеих сторон приняло участие около 2 млн. человек, союзники были разбиты по всему фронту и начали отступать. При этом английский Экспедиционный корпус фельдмаршала Д. Френча откатился до предместий Парижа. Под угрозой окружения оказалась и 5-я французская армия в Лотарингии.

Положение для союзников сложилось критическое. На 33-й день войны немцы стояли в 30—40 километрах от Парижа, а французское

правительство в спешке переехало в Бордо. Французский посол в Петрограде М. Палеолог умолял Николая II выполнить взятые на себя обязательства и предотвратить катастрофу. Для спасения союзников российское командование в спешном порядке разработало планы наступления в Восточной Пруссии и на Карпатах. К этому времени оно успело развернуть два фронта: Северо-Западный (две армии под командованием генерала Я. Г. Жилинского) — против Германии, и Юго-Западный (четыре армии генерала Н. И. Иванова) — против Австро-Венгрии.

4 (17 августа) 1914 г. штаб Северо-Западного фронта приказал 1-й армии генерала П. К. Ренненкампа (7 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, 500 орудий) перейти границу Восточной Пруссии севернее Мазурских озер. Ему противостояла 8-я германская армия генерала М. Притвица (14,5 пехотных и 1 кавалерийская дивизия, 1 000 орудий). 4 (17) и 7(20) августа Ренненкампа выиграл первые бои под городами Гумбиннен и Шталлупенен. Немцы потеряли 10 000 человек и в панике отступили на 15 км. Однако после боя П. К. Ренненкампа потерял противника. Он не использовал кавалерию для преследования немцев и дал войскам суточный отдых. В то время, когда германские части начали в спешке отступать на запад, русские войска сначала топтались на месте, а затем медленно стали двигаться на север, к Кёнигсбергу.

Успех русских стал шоком для руководства Германии. С ударной группы Западного фронта, наступавшей на Париж, немедленно были сняты два отборных пехотных корпуса и кавалерийская дивизия и срочно переброшены в Восточную Пруссию для усиления 8-й германской армии. Ее командование было смещено и заменено генералами П. Гинденбургом и Э. Людендорфом.

7(20) августа 1914 г. границу Восточной Пруссии южнее Мазурских озер перешла и 2-я российская армия генерала А. В. Самсонова (12,5 пехотных, 3 кавалерийских дивизии, 720 орудий). Не встречая сопротивления, она продвинулась вглубь Восточной Пруссии почти на 70 км и без боя заняла города Зольдау, Нейденбург и Алленштейн. Однако назвать легкой прогулкой марш 2-й армии было нельзя. Девять дней войска без отдыха шли в удушающую жару по песчаным безлюдным дорогам и в буквальном смысле слова голодали. Их бросили в наступление в такой спешке, что даже забыли снабдить продовольствием. Не было фуража и для лошадей. Однако командующий фронтом Я. Г. Жилинский не обращал внимания на рапорты генерала А. В. Самсонова о бедственном снабжении армии и

необходимости дать ей передышку. Ничего не зная о местонахождении противника, Я. Г. Жилинский фактически дезинформировал штаб А. В. Самсонова. Сообщая, что немцы разбиты и бегут за Вислу и к Кёнигсбергу, он упрямо гнал 2-ю армию вглубь Восточной Пруссии, в западню.

В это время германское командование умело использовало 50-тикилометровый разрыв между русскими армиями и решило разбить их поодиночке. Все части, оборонявшие Восточную Пруссию (15 пехотных и 1 кавалерийская дивизия, 1000 орудий) были скрытно переброшены по железной дороге и собраны в кулак. 7 (20) августа 1914 г. немецкие генералы Г. Франсуа и А. Макензен в Танненбергском лесу завершили окружение ничего не подозревавшей 2-й российской армии. Ее точная дислокация стала известна из перехваченных незашифрованных радиogramм. При этом штаб 2-й армии ничего не знал о противнике: ни конная, ни воздушная разведка не велась, хотя в армии было 42 аэроплана. 8 (21) августа немцы внезапно атаковали армию А. В. Самсонова. Ожесточенные бои длились несколько суток. Геройски дрался 15-й корпус генерала Н. Н. Мартоса, разгромивший в ходе трехдневных боев 41-ю германскую дивизию и взявший в плен 1000 пленных и 13 орудий. Но каждый из пяти русских корпусов, разбросанных на территории 200 км², дрался в одиночку, без общего руководства и связи друг с другом. Когда же наступление немцев стало известно штабу фронта, то командующий Я. Г. Жилинский и его начальник штаба В. А. Орановский даже не подумали отдать приказ гвардейской кавалерии 1-й армии, находившейся в 60 километрах севернее, ударить в тыл немцам и спасти остатки гибнущей армии А. В. Самсонова.

В результате 160 000 российских солдат было убито и ранено, еще 90 000 попало в плен, причем 13-й корпус трусливо сдал его командир — генерал Клюев. Сам командующий, 55-летний генерал А. В. Самсонов, застрелился. После этого немцы ударили в тыл 1-й российской армии, готовившейся к осаде пустого Кёнигсберга. 1-я российская армия потеряла 80 000 человек убитыми и ранеными и к середине сентября 1914 г. была отброшена за Неман. Однако союзники были спасены, а германский план «молниеносной» войны сорван. На Западном фронте противники перешли к позиционной войне.

В октябре 1914 г. на стороне Германии в войну вступила Турция. 16 (29) октября турецкий флот и германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» внезапно обстреляли Севастополь, Одессу, Новороссийск, потопив два

российских корабля. В ответ 20 октября (2 ноября) 1914 г. Россия объявила Турции войну. 5 (18) ноября российская эскадра Черноморского флота (3 крейсера, 5 линкоров и 13 миноносцев), возвращаясь в Севастополь после рейда к турецким берегам, у мыса Сарыч натолкнулась на германские крейсера «Гебен» и «Бреслау». Завязался бой, в котором линейный крейсер «Гебен» получил серьезные повреждения. Тем не менее немецкие корабли, имевшие преимущество в скорости, сумели уйти от погони. Так завершилось первое столкновение российских и германских кораблей — единственное морское сражение на Черном море в ходе Первой мировой войны.

Более удачными были действия российской армии на Юго-Западном фронте летом — осенью 1914 г. Там вдоль русско-австрийской границы были развернуты 3-я, 4-я, 5-я и 8-я армии (всего 36 пехотных и 12 кавалерийских дивизий) под общим командованием генерала Н. И. Иванова. Им противостояли 39 пехотных и 10 кавалерийских австро-венгерских дивизий, которыми командовал эрцгерцог Фридрих. 5(18) августа 1914 г. русские войска фронтом шириной в 400 км двинулись к границе. Навстречу им таким же широким фронтом выступили австро-венгерские войска. Начались упорные бои. В первых сражениях в районе Красника и Томашова 4-я и 5-я армии, находившиеся на северном и центральном участках, столкнулись с вдвое превосходящими силами противника. Тем не менее русские войска не дали себя окружить, а с боями отошли к Люблину и Грубешову, где заняли оборону.

В это время на южном участке Юго-Западного фронта 3-я армия генерала Н. В. Рузского и 8-я армия генерала А. А. Брусилова нанесли поражение австро-венгерским войскам у реки Золотая Липа. Развивая наступление, 8-я российская армия 21 августа (3 сентября) 1914 г. после упорных боев взяла г. Львов. Австрийское командование вынуждено было срочно перебросить на юг части с других участков фронта. Но в это время к русским подошло подкрепление: свежая 9-я резервная армия генерала П. А. Лечицкого. Совместный удар трех армий был настолько мощным, что австро-венгерские войска стали отступать по всему фронту. Российские войска безостановочно преследовали противника несколько суток, оторвавшись от своих тылов на 150—200 км. Поэтому командование дало приказ остановиться и готовиться к глубокому вторжению в немецкую Силезию. Только 8 (21) сентября 1914 г. части 4-й армии подошли к Перемышлю — главной австрийской крепости в Карпатах — и начали его осаду. За это время противник успел переправиться за реку Сан и укрепиться на левом берегу. На помощь

австрийцам в район Познани и Кракова из Восточной Пруссии была срочно брошена 9-я (бывшая 8-я) армия генерала П. Гинденбурга. Завязались бои в Левобережной Польше, которые сорвали русское вторжение в Силезию.

В ходе Галицийской битвы российскими войсками была захвачена не только вся Галиция, но и часть австрийской Польши, создан плацдарм для дальнейшего наступления на Венгрию и Силезию. Австро-венгерским войскам, потерявшим за 33 дня боев убитыми и ранеными 45 % всего личного состава (400 тыс. человек), был нанесен непоправимый урон. В дальнейшем они не смогли проводить самостоятельные наступательные операции без поддержки Германии. Потери российской армии были почти в два раза меньше (230 тыс. человек).

Военные поражения в 1915 г. К началу 1915 г. враждующие коалиции убедились, что война, которая затевалась как «молниеносная», превращается в борьбу на истощение. Война на два фронта стала реальностью для Германии. В этой ситуации ее Генштаб решил перенести центр тяжести вооруженной борьбы против России. Он считал, что русские не смогут устоять против всей мощи Центральных держав и в скором времени заключат сепаратный мир. Поэтому с февраля 1915 г. Восточный фронт стал главным для Германии.

Россия, подталкиваемая союзниками, зимой 1915 г. готовила новое наступление в Восточной Пруссии. К этому времени из 5500 тыс. солдат, мобилизованных в начальный период войны, российская армия уже потеряла 1350 тыс. человек. Тем не менее командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов, любимец Николая II, одновременно с Восточно-Прусским наступлением предложил организовать вторжение в Венгрию. На тот момент Юго-Западный фронт имел 99 пехотных дивизий и два резервных корпуса против 83 австро-германских дивизий. Но российские войска были ослаблены в ходе предыдущих пятимесячных боев. В некоторых частях насчитывалось только 30 % личного состава, большинство кадровых офицеров и унтер-офицеров были убиты или ранены.

Еще хуже обстояло дело с материально-техническим снабжением российской армии. Только семеро из десяти солдат имели винтовки. Поэтому зачастую прибывшее на фронт пополнение направляли не на передовую, а оставляли при обозах. За каждую вынесенную из боя винтовку солдатам выплачивалось вознаграждение. Полевая артиллерия была снабжена снарядами менее 25 % от нормы, а к тяжелым гаубицам снарядов практически не было.

Однако Ставка позволила расплыть силы по двум направлениям — Восточно-Прусскому и Венгерскому, фактически самоустранилась от подготовки наступательных операций. Немцы, узнав о планах русских, быстро перебросили в Восточную Пруссию 4 свежих корпуса и в середине февраля 1915 г. нанесли опережающий удар в районе г. Августов (в 70 км от Гродно). Один армейский корпус 10-й русской армии был окружен в Августовских лесах и после неравного боя попал в плен, остальные отступили к Гродно и крепости Осовец. Неудачными были и действия 1-й, 10-й и 12-й русских армий Северо-Западного фронта в феврале — марте 1915 г., когда они попытались прорваться в Восточную Пруссию в районе г. Прасныш (в 60 км севернее Варшавы). Правда, и контрнаступление немцев на этом участке фронта захлебнулось.

В конце января 1915 г. в наступление перешел и Юго-Западный фронт. Главная задача в Карпатской операции отводилась 8-й армии генерала А. А. Брусилова (40 пехотных и 9 кавалерийских дивизий, до 3000 орудий). Однако планы российского командования стали известны противнику, который развернул в районе Ужгорода и Мукачева новую Южную армию под командованием генерала А. Линзингева. В Карпатах начались многодневные встречные бои, проходившие в горных условиях. К началу февраля 1915 г. 8-й армии удалось прорвать оборону противника и продвинуться вперед на 20 км. Тяжелые бои продолжались весь март, так как австро-венгры, не считаясь с потерями, рвались на помощь осажденной крепости Перемышль. Однако все их контратаки были отбиты и 22 марта 1915 г., после шестимесячной осады, 122-тысячный гарнизон Перемышля капитулировал.

Но это был последний успех русских армий в 1915 г. Войска Юго-Западного фронта были измотаны и обескровлены, резервов и боеприпасов не было. 24 апреля 1915 г. наступление было прекращено. К этому времени потери российских войск составили 1 млн. человек убитыми и ранеными, а потери противника — 800 тыс. Германско-австрийское командование решило, что пришло время для ответного удара. К середине апреля 1915 г. оно закончило перегруппировку сил и на 35-километровом участке фронта против 3-й русской армии генерал-лейтенанта Д. Р. Радко-Дмитриева создало «таран» из 126 000 человек, поддерживаемых 700 орудиями и 260 пулеметами. Командовал этой ударной группировкой германский генерал А. Макензен, уже отличившийся в Восточной Пруссии. Для усиления боеспособности австро-венгерские части были включены в состав германских дивизий и корпусов. Подготовка к прорыву проходила в условиях строжайшей

секретности. Немецкие войска прибывали в Галицию кружным путем, без объявления маршрута, а вся переписка солдат и офицеров строго контролировалась военной контрразведкой.

Утром 19 апреля (2 мая) 1915 г., после 13-часовой артиллерийской подготовки, германо-австрийские войска перешли в наступление. Оно стало полной неожиданностью для командования Юго-Западным фронтом. На участке прорыва, в районе г. Горлице, А. Макензен имел преимущество в пехоте в два, легкой артиллерии в шесть, а гаубиц — в 40 раз. При этом на шквальный огонь противника русские гаубицы могли отвечать только 1,5 выстрелом на орудие в сутки. Тем не менее в первый день наступления германо-австрийские части смогли преодолеть только 2—5 км, а на следующий день после упорных боев были остановлены. Лишь на шестой день противнику удалось продвинуться на 40 км. Русские войска вынуждены были начать отход за реку Сан, чтобы укрепиться на новых позициях. Но сделать это они не успели. А. Макензен начал новое наступление и 21 мая (3 июня) взял Перемышль, а 9 (22) июня — Львов. К июлю 1915 г. российские войска оставили всю Галицию, потеряв только пленными 500 тыс. человек и 344 орудия.

Одновременно с «Горлицким прорывом» германские войска под командованием генерала П. Гинденбурга начали наступление в Прибалтике и в мае 1915 г. вышли к Шавлям (Шауляю) и Ковно (Каунасу). Для российских армий в Польше возникла реальная угроза попасть в «клещи» между группировками германских войск, наступавшими из Восточной Пруссии и Галиции. Разгадав замысел немцев, командующий Северо-Западным фронтом генерал М. В. Алексеев начал в июле 1915 г. отвод русских войск из Польши.

7 июля 1915 г. в местечке Шантильи под Парижем впервые был созван военный совет Антанты. Российский представитель полковник А. А. Игнатьев обратился к союзникам за помощью. Он указал, что к лету 1915 г. число немецких дивизий увеличилось на Восточном фронте с 9 до 42, а кавалерийских — с 1 до 10. Командующий англо-французскими войсками генерал Ж. Жоффер согласился помочь, но лишь через несколько недель, после прибытия подкреплений из Англии. Крупное наступление союзники организовали только 25 сентября, в Шампани и Артуа. Но оно слишком запоздало и было безрезультатным.

В конце июля 1915 г. две германские флотилии под командованием вице-адмиралов Э. Шмидта и Ф. Хиппера попытались прорваться в Рижский залив. Они хотели уничтожить российские военно-морские базы и поддержать наступающие немецкие войска. Однако Балтийская

эскадра, хотя и была намного слабее, в ходе 10-дневных боев в Ирбенском и Моонзундском проливах потопила пять кораблей противника, серьезно повредила еще четыре и вынудила его отступить.

Отпор немцам, наступавшим в Прибалтике, планировалось дать в районе Вильно (Вильнюса) и Ковно. Но 9 (22) августа 1915 г. комендант Ковенской крепости генерал Григорьев при приближении немцев трусливо бежал. Первоклассная крепость сдалась без боя, открыв врагу путь за Неман. 27 августа (9 сентября) 1915 г. 6-й кавалерийский корпус генерала Гарнье (7000 сабель), усиленный двумя егерскими дивизиями, в районе Свенцяи прорвал русскую оборону и начал глубокий рейд по тылам 5-й и 10-й армий. Была захвачена Вилейка, у станции Смолевичи повреждена железная дорога Минск — Смоленск. В русских тылах нарастала паника. Для того чтобы не допустить окружения, 8 (21) сентября 1915 г. 10-я армия оставила Вильно. Только к октябрю прорыв был ликвидирован и фронт стабилизировался на линии озеро Дрисвяты — озеро Нарочь — Сморгонь — Делятичи.

Поражение в Галиции и Свенцяи прорыв заставили Николая II сместить великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего и реорганизовать оборону. Были образованы три новых фронта. Северный фронт (28 дивизий под командованием генерала Н. В. Рузского) прикрывал Петроград, Западный (61 дивизия под командованием генерала А. Е. Эверта) — Москву и Юго-Западный (25 дивизий во главе с Н. И. Ивановым) — Киев.

В сентябре 1915 г. продолжилось наступление австро-германских войск на Юго-Западном фронте. Русские войска под напором превосходящих сил противника отошли к Луцку и реке Стрыпе. После этого Н. И. Иванов в панике приказал отвести войска за Днепр и эвакуировать Киев. Только категорический запрет Николая II и подоспевшие на помощь 8-я, 9-я и 11-я русские армии к октябрю остановили немцев и австрийцев на рубеже трех рек: Ясельды, Стыри и Стрыпе. На всем протяжении Восточного фронта от Риги до румынской границы стороны перешли к позиционной войне.

Серьезных успехов в 1915 г. русские войска достигли только на Кавказском фронте. Боевые действия там начались сразу после вступления в войну Турции, армия которой насчитывала около 1 млн. человек. Несмотря на то, что Кавказская армия была ослаблена переброской войск на австрийский фронт, российское командование решило организовать наступление на турецкую крепость Карс. В начале января 1915 г. у города Сарыкамыш российские войска под

командованием А. З. Мышлаевского разгромили 3-ю турецкую армию, которой руководили Энвер-паша (бывший военный министр Турции) и немецкие инструкторы, и заняли Карс. Взятие этой крепости обеспечивало России доминирующее положение в Малой Азии и Персии. Это встревожило союзников, которые стали опасаться высадки русского десанта в Константинополе. В апреле 1915 г. англо-французское командование организовало Дарданелльскую операцию, чтобы опередить русских. Неудача этой десантной операции склонила Болгарию, имевшую полумиллионную армию, вступить 1 (14) октября 1915 г. в войну на стороне Центральных держав.

К концу 1915 г. Россия потеряла 15 % своей территории, 25 % промышленности, 10 млн. человек стало беженцами. Невосполнимые потери — по различным оценкам, от 2,5 до 3,5 млн. человек — понесла российская армия (в том числе, 312 тыс. — 1 млн. человек убитыми и 750 тыс. — 1 млн. человек попавшими в плен). Однако и Центральные державы находились в очень сложном положении. Несмотря на видимые успехи, особенно на Восточном фронте, окончательной победы они так и не достигли. Флот Германии, потерпев ряд поражений от англичан, был заперт в немецких портах, а ее военная промышленность работала на пределе. Нехватка продовольствия заставила ввести в стране карточную систему. Поэтому сначала весной, а затем летом 1915 г. руководство Германии стало зондировать возможность заключения сепаратного мира с Россией. Но российское правительство, верное союзническим обязательствам, отвергло эти предложения.

Николай II — верховный главнокомандующий. В конце августа 1915 г. царь решил лично занять пост Верховного главнокомандующего. Он и раньше регулярно бывал в Ставке. Теперь же, в час тяжелых испытаний, Николай II решил разделить с армией всю горечь поражений. Однако этот мужественный шаг не встретил понимания ни в Думе, ни в Совете министров. Царя поддержали только императрица Александра Федоровна и престарелый премьер И. Л. Горемыкин. Остальные министры считали, что совмещать обязанности императора и главнокомандующего — непосильная задача для одного человека. Кроме того, они опасались, что в случае дальнейших поражений вся вина за них ляжет лично на царя. Министры хотели только заменить бездарного начальника Генштаба Н. Н. Янушкевича. Общество боялось также, что этот шаг Николая II усилит влияние императрицы, которая в отсутствие царя в Петрограде начнет вмешиваться в управление страной. Восемь министров даже написали Николаю II коллективное письмо с просьбой

изменить свое решение. Но царь остался непреклонен и через неделю выехал в Ставку.

Николай II действительно не обладал особыми военными талантами. Но он не был и «пустым местом», о чем так охотно и все громче заявляла оппозиция. Очень воспитанный и выдержанный, мягкий человек, Николай II считал педантичное исполнение царских обязанностей своим прямым долгом. Лично знавшие его современники отмечали широкую образованность и быстрый ум царя. Он хорошо знал военную службу, в которую, согласно традиции, был зачислен еще в детском возрасте. Однако в Николае II не было того демонического начала, или «харизмы», которая заставила бы других безоговорочно признать его лидерство. Главной чертой императора была глубокая религиозность, которая, усиливаясь с годами, накладывала на его поступки печать фатализма и какой-то обреченности. Уезжая в Ставку, он заявил своим министрам: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой».

К сентябрю 1915 г. Ставка переехала в Могилев. После военных поражений великий князь Николай Николаевич впал в уныние, и, передавая командование, даже расплакался в вагоне царя, обвиняя себя во всех бедах. Царь ободрил его и назначил командующим Кавказским фронтом. Своим первым приказом по армии Николай II попытался поднять боевой дух войск, объявив о священном долге защищать родную землю. Он пробыл на посту Верховного главнокомандующего полтора года. За это время армия перестала отступать и даже вернула обширные территории в Волыни и Галиции.

Армия восприняла замену Верховного главнокомандующего равнодушно. Однако Николай II очень удачно выбрал себе начальника Генштаба — 57-летнего генерала М. В. Алексева. Сын простого солдата, с внешностью провинциального учителя, М. В. Алексеев почти не знал иностранных языков, не имел хороших манер и избегал светского общества, конфузился, когда ему отдавали честь на улице, и всегда платил за себя сам. Но он был крупным военным стратегом. В начале войны М. В. Алексеев занимал должность начальника штаба Юго-Западного фронта, а весной 1915 г. возглавил Северо-Западный фронт и не допустил окружения российских армий в Польше. Новый начальник Генштаба работал по 14—16 часов в сутки, вникая во все детали даже второстепенных операций и вопросы снабжения армии. Только изучение телеграмм с фронтов занимало у М. В. Алексева ежедневно шесть часов.

Всего в Ставке находилось семь генералов и около 80 офицеров. Работа продолжалась до девяти вечера, без выходных. Никаких развлечений, кроме кино, не было. Женщины в Ставку не допускались, исключение не делалось даже для особ царской фамилии. Николай II вел в Ставке спокойную, размеренную жизнь, совершал прогулки на автомобиле за город, катался на лодке по Днепру, по вечерам слушал музыку и читал книги. Тем не менее его пребывание в Ставке не было праздным. Он ежедневно принимал доклады М. В. Алексеева, встречался с министрами, послами, просителями. Царь старался вникать в главные военные дела, хотя и не навязывал своего мнения. Очень часто он на поезде совершал объезд фронтов, делая смотр войскам. Николай II имел множество иностранных наград, и даже звание фельдмаршала британской армии, присвоенное ему Георгом V в декабре 1915 г. Но перед войсками он всегда появлялся в форме полковника, с солдатским Георгиевским крестом в петлице. Это было высшее звание, до которого император Николай II дослужился в российской армии за 41 год службы.

Усиление зависимости царизма от Антанты. К началу войны российские заводы производили только треть необходимых стране вооружений. Остальное правительство закупало во Франции, Великобритании, Бельгии и США. Большие суммы кредитов требовались также на постройку железных дорог. Плотность железнодорожной сети в Европейской части России (без учета русского Севера) была в 3,5 раза меньше, чем в Австро-Венгрии и в 4,5 раза меньше, чем в Германии. Железнодорожные кредиты Россия давала Франция, но с учетом своих военно-политических целей. Она финансировала строительство лишь тех дорог, которые вели к германской границе, хотя Россия была не менее заинтересована в развитии железных дорог австро-венгерского направления.

Военные расходы России за годы войны возросли в 8,8 раз (с 1655 млн. рублей в 1914 г. до 14573 млн. рублей в 1916 г.). Намного выросли и закупки за рубежом. Только за два года войны в Англии было закуплено 1 млн. винтовок, 2,5 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, 700 автомобилей, 300 самолетов. Уже после первого года войны российский долг Великобритании составил 757 млн. фунтов стерлингов, а США — 37 млн. долларов. К 1917 г. российское правительство было должно только США 560 млн. долларов, а общая сумма зарубежных займов составила 8,13 млрд. рублей, или 21 % от военных расходов страны. В 1916 г. США заняли первое место среди торговых партнеров России, обогнав даже Англию и Францию. Импорт

американских товаров в Россию, по сравнению с довоенным периодом, вырос в 17 раз, а общая сумма российских заказов, размещенных в США, составила 1 млрд. 237 млн. рублей.

В то же время помощь в поставках вооружения союзники оказывали далеко не в той мере, в какой рассчитывал российский Генштаб. Она лишь в незначительной степени покрывала нужды армии. Так, винтовочных патронов было получено 1 % от необходимого количества, винтовок — 30 %, орудий разных калибров — 23 %, снарядов к ним — 20 %. К тому же эта помощь предоставлялась России не только несвоевременно, но и по завышенным ценам. Транспорт для перевозки оружия и боеприпасов союзники давали лишь на условиях встречных поставок продовольствия, топлива, лесоматериалов, в которых сама Россия остро нуждалась. По требованию английского правительства в качестве гарантий оплаты за военные заказы в Лондон был перевезен золотой запас России на сумму 640 млн. рублей.

Кроме того, союзники хотели, чтобы российские солдаты воевали и на Западном фронте. Впервые этот вопрос поднял 30 августа 1914 г. посол Великобритании в Петрограде Дж. Бьюкенен. Тогда министр иностранных дел России С. Д. Сазонов ответил отказом. Однако через год союзники вернулись к этой теме. В начале декабря 1915 г. в Петроград прибыл председатель Палаты депутатов Франции П. Думер. Он потребовал, чтобы в обмен на материальную помощь Россия начала отправлять во Францию 40 тыс. человек в месяц.

Военный министр А. А. Поливанов отрицательно отнесся к предложению П. Думера. Но Николай II согласился направить во Францию специальную бригаду (8762 солдата и 180 офицеров) под командованием генерала Н. А. Лохвицкого. Бригада должна была воевать в составе 4-й французской армии. Не успели эти войска еще прибыть на Западный фронт, как французское правительство, обеспокоенное слухами о возможном заключении Россией сепаратного мира, направило в Петербург новую миссию во главе с Э. Тома и Р. Вивиани. Они должны были добиться согласия России на отправку во Францию уже 400 тыс. российских солдат. Миссия, прибывшая в Петроград весной 1916 г., была восторженно принята Госдумой и весьма прохладно — начальником Генштаба М. В. Алексеевым. Однако царь в очередной раз не захотел ссориться с союзниками. В итоге еще четыре российские бригады были направлены на Западный и Балканский театры военных действий. Общая численность российского экспедиционного корпуса к началу 1917 г. составила около 44 тыс. человек. Его бросали на

самые тяжелые участки боев, питание и бытовые условия были очень тяжелые. В результате потери русского экспедиционного корпуса составили, по разным оценкам, от 50 до 70 % личного состава, а из 745 офицеров 453 человека были убиты. Однако посол Франции в России М. Палеолог считал, что Россия, мобилизовавшая от 15,5 до 18,5 млн. человек из 180 млн. своего населения, делает для общей победы слишком мало, по сравнению с Францией, мобилизовавшей 6,8 млн. человек из 40 млн. жителей. По мнению М. Палеолога, цена жизни «культурного» французского солдата была неизмеримо выше жизни простого русского мужика в солдатской шинели.

Милитаризация экономики. Война вызвала небывалое напряжение всех материальных ресурсов страны. Уже осенью 1914 г. в армии не хватало 400 тыс. винтовок. Кроме того, ей ежедневно требовалось 45 тыс. снарядов и огромные поставки продовольствия, обмундирования, фуража. За 1914—1917 гг. российская армия потребила 9,64 млн. тонн муки, 1,4 млн. тонн крупы, 8,7 млн. тонн мяса, 11,27 млн. тонн фуражного зерна. На фронт было отправлено 5 млн. полушубков и бушлатов, 38,4 млн. телогреек, 75 млн. пар нижнего белья, 86,1 млн. пар сапог, 6,6 млн. пар валенок.

Военные предприятия не могли произвести такого количества вооружений и военного снаряжения. Поэтому происходила милитаризация экономики — массовое переключение заводов и фабрик, выпускавших гражданские товары, на производство военной продукции. Все металлургические заводы страны были переведены на производство боеприпасов; военные заказы выполняли текстильная, обувная, химическая, табачная и лесопильная промышленность.

К началу 1916 г. количество предприятий, работавших на нужды фронта, возросло по сравнению с довоенным периодом в 3,5 раза, а производство основных видов военной продукции — от 2 до 5,5 раза. В 1917 г. на нужды войны в России работало 76 % рабочих (во Франции — 57 %, в Германии — 58 %). От половины до двух третей всей промышленной продукции страны шло на нужды армии, и лишь одна треть — для потребления населению.

Вместе с тем милитаризовав экономику, российское правительство не осмелилось пойти на милитаризацию труда, как это сделали Франция, Англия и Германия. Рабочие оборонных предприятий не были приравнены к военным служащим, хотя и получили военную бронь. Они не имели гарантированного пайка и вынуждены были тратить много сил и времени на поиски пропитания, что создавало благодатную почву для

антивоенных агитаторов, свободно действовавших на заводах. Приравнять рабочих к солдатам на фронте неоднократно предлагали французские социалисты, посещавшие Россию, но правительство не решалось пойти на этот шаг, опасаясь возмущения общественности.

Частичная милитаризация рабочих произошла только на территории прифронтовых губерний, подчинявшихся Ставке. Эти губернии были объявлены на военном положении. Здесь запрещались забастовки и демонстрации, а дела о бунтах против властей рассматривал военно-полевой суд. Все железнодорожники прифронтовой полосы проходили проверку на политическую благонадежность, в каждом депо был создан резерв из машинистов, телеграфистов и квалифицированных рабочих.

Военные действия в 1916 г. Брусиловский прорыв. В 1916 г. германское командование не планировало вести активных боевых действий на Восточном фронте. Оно считало, что российская армия потеряла свою боеспособность и находится на грани развала. Кроме того, немцев пугало российское бездорожье. Поэтому германский Генштаб решил бросить все силы против Франции, чтобы добиться ее скорейшей капитуляции. Был разработан план нанесения мощного удара в районе так называемого «Верденского выступа».

В свою очередь, страны Антанты планировали большое совместное наступление в июне 1916 г. Решение об этом было принято на второй конференции союзников в Шантильи (6—9 декабря 1915 г.). Российский представитель генерал Я. Г. Жилинский предложил нанести главный удар на Балканах, в направлении Будапешта через Дунай. Здесь противник был слаб и не ожидал наступления. Удар одновременно предлагалось нанести с двух сторон: с юга — силами десяти англо-французских корпусов, которые после провала Дарданельской операции базировались в Салониках (Греция), и с северо-востока — русскими корпусами. Но союзники побоялись ослаблять Западный фронт. Они предложили России в июне 1916 г. перейти в наступление на Кёнигсбергском и Берлинском направлениях, поддержав ее широкомасштабным наступлением на Западном фронте.

Но германский Генштаб опередил их. 21 февраля 1916 г. начался артобстрел французских позиций под Верденом, усиленный бомбовыми атаками с воздуха. После этого в атаку пошла немецкая пехота. К 25 февраля немцы, имея почти двукратное преимущество, взломали три линии французской обороны глубиной до 20 км и, несмотря на ожесточенное сопротивление, подошли к ее последнему рубежу — крепости Верден.

В это время российская армия медленно восстанавливала силы после тяжелейших боев предыдущего года. К концу зимы было получено подкрепление — 1 млн. новобранцев, которых надо было вооружить и обучить. В армию только начали поступать в достаточном количестве оружие и боеприпасы. И тут союзники по Антанте вновь потребовали от России срочно организовать какую-либо наступательную операцию, чтобы оттянуть силы немцев от Вердена.

Российское командование стало спешить готовить наступление силами 5-й армии Северного фронта в районе Двинска (Даугавпилса) и озера Нарочь — силами 2-й армии Западного фронта. Для того чтобы прорвать хорошо укрепленную оборону немцев (82 тыс. человек, 720 орудий), было задействовано около 500 тыс. солдат. Но 35 тыс. из них не имели винтовок. Почти не было снарядов и у русской артиллерии. К тому же накануне наступления командующий 2-й армией заболел, а заменивший его генерал А. Ф. Рагоза не успел ознакомиться с обстановкой.

5 (18 марта) 1916 г. без артиллерийской подготовки войска 2-й армии (356 тыс. пехоты и 17 тыс. кавалерии) перешли в наступление в районе Видзы — озеро Нарочь. Наступление, которое началось в оттепель, проходило в болотистой местности. На следующий день ударил мороз, и мокрая одежда солдат обледенела. Многие были обморожены. Тем не менее, русские сумели вклиниться в оборону противника на 9 км, но затем были остановлены. Войска Северного фронта, начавшие наступление на сутки позже, прорвать оборону немцев не смогли.

Бои в районе озера Нарочь продолжались до 15 (28) марта 1916 г. В условиях весенней распутицы, отсутствия резервов и боеприпасов российские солдаты делали героические усилия, чтобы развить наступление. После того, как потери превысили 100 тыс. человек (только в районе Нарочи 2-я армия потеряла 78 тыс. убитыми и ранеными, или 30 % личного состава), операция была остановлена. Но ценой жизни российских солдат с 22 по 30 марта атаки немцев под Верденом прекратились. Потеряв 30 — 40 тыс. человек в ходе Нарочанской операции, германское командование не смогло перебросить под Верден ни одной части с Восточного фронта.

Крупных успехов добилась Россия зимой и весной 1916 г. на Кавказском фронте. В начале февраля турки были разгромлены под Эрзерумом, а город взят штурмом. Эрзерум был ключом ко всей Малой Азии. Поэтому союзникам пришлось согласиться отдать России после

победы часть Турецкой Армении, Константинополь и проливы. Развивая наступление, войска Кавказского фронта в марте — апреле 1916 г. с боями продвинулись вдоль Черноморского побережья по безлюдной местности на 200 км, до города Трапезунд. Опасаясь, что российские войска встретят поддержку местного христианского населения, в 1915—1916 гг. турки организовали геноцид армян. Из 2,5 млн. армян, проживавших в Турецкой Армении, было вырезано 1,5 млн.; еще 600 тыс. армян выселили на верную смерть в безводные районы Северной Месопотамии.

Российское командование было крайне заинтересовано в том, чтобы союзники высадили десант в Северо-Восточной части Средиземного моря (в районе Александретты). Тогда совместным наступлением российских и англо-французских войск удалось бы вывести Турцию из войны. Однако это не входило в планы союзников и 7 апреля 1916 г. России в такой поддержке было отказано. Тем не менее российские войска все глубже вклинивались в турецкую территорию и в июле 1916 г. овладели г. Эрзинджан (300 км от границы). К началу 1917 г. Кавказский фронт приковывал 29 пехотных дивизий Турции, или 54 % всех ее войск.

Основное наступление российской армии планировалось летом 1916 г. на Западном фронте. Юго-Западному фронту, который занимал полосу в 500 км от Полесья до границы с Румынией, отводилась вспомогательная роль. Российский Генштаб считал, что после неудач 1915 г. наступление в Карпатах невозможно, тем более что за полгода противник создали там глубоко эшелонированную оборону с бетонированными блиндажами и многополосными проволочными заграждениями. Но командующий Юго-Западным фронтом, 63-летний генерал от кавалерии А. А. Брусилов считал иначе. К маю 1916 г. он разработал детальный план операции, в которой должны были участвовать все четыре армии фронта. Главный удар был запланирован на Луцк силами 8-й армии генерала А. М. Каледина. План А. А. Брусилова строился на внезапности, тщательной разведке, надежной связи между наступающими войсками. Накануне сражения российские войска и артиллерия скрытно стягивались к районам прорыва. В тылу солдат учили преодолевать заграждения, захватывать и удерживать позиции противника, а артиллеристов — сопровождать огнем свою пехоту.

Командование Юго-Западного фронта сумело искусно сгруппировать свои войска (512 тыс. пехоты и 60 тыс. кавалерии, почти

2000 орудий). Для того чтобы противник не разгадал направления главного удара, было намечено 11 участков прорыва. На них было обеспечено преимущество по пехоте в 2—2,5 раза, по артиллерии — в 1,5—2 раза, причем русская артиллерия впервые имела по 2000 снарядов на орудие. Общее же соотношение сил противников было примерно равным.

Наступление планировалось на середину июня 1916 г. Однако в очередной раз, по просьбе союзников, которые потерпели крупное поражение на итальянском фронте, его пришлось начать на две недели раньше. Утром 22 мая (4 июня) 1916 г. после мощной артподготовки российские войска пошли в атаку. Австрийцы и венгры оказались в собственных окопах, как в ловушках, так как русские применили совершенно новую тактику. Пехота двигалась «волнами» (каждая из которых состояла из трех-четырёх цепей), на расстоянии 150—200 шагов друг от друга. Первая волна, не задерживаясь в передовых окопах противника, сразу же атаковала вторую линию обороны, вторая волна добивала врага в передних траншеях, а последнюю линию обороны атаковали третья и четвертая волны пехоты, которые перекатывались через две первых. Этот метод, получивший название «атака перекатами», впоследствии был широко использован союзниками на Западном фронте.

Прорвав оборону противника на 16-километровом участке, 8-я правофланговая армия генерала А. М. Каледина 25 мая (7 июня) 1916 г. взяла г. Луцк, разгромила 4-ю австро-венгерскую армию эрцгерцога И. Фердинанда и продвинулась на запад на 65 км. На левом фланге 9-я российская армия генерала П. А. Лечицкого также прорвала фронт на 11-ти километровом участке, разбила 7-ю австро-венгерскую армию и к 18 (31 июля) заняла всю Буковину. Продолжая наступление, войска Юго-Западного фронта 29 июля (11 августа) взяли г. Станислав (Ивано-Франковск). Австро-венгры сдавались в плен целыми частями. Ожесточенное сопротивление оказывали только немногочисленные немецкие отряды. Но у командования фронтом иссякли резервы, а Ставка слишком поздно поняла блестящие перспективы, которые открывал «Брусиловский прорыв». Поэтому стратегический резерв — Особая армия генерала В. М. Безобразова — был передан Юго-Западному фронту слишком поздно, когда на помощь разбитым австро-венгерским армиям стали перебрасываться войска из-под Вердена и с итальянского фронта.

Нерешительность проявил и командующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт. Только 3 июля 1916 г. он дал приказ о наступлении

в районе Барановичей, причем на участке, где немецкие позиции были сильно укреплены. Российское наступление, которое вела 4-я армия генерала А. Ф. Рагозы, усиленная тремя корпусами (340 тыс. человек, 1000 орудий) началось без предварительной разведки немецких заграждений, при нехватке тяжелой артиллерии, которая не смогла разрушить блиндажи противника. В первых же атаках 3—5 июля потери наступавших частей составили почти 50 % личного состава. Наступательные бои, сменявшиеся контратаками 9-й германской армии Р. Войрша, длились весь июль, но прорвать оборону немцев так и не удалось. Общие потери российских войск составили около 80 тыс. солдат и офицеров (потери противника — 25 тыс. человек).

Не удалось развить наступление и на ковельском направлении, где Особая армия, усиленная остатками гвардии, в июле — августе 1916 г. вела тяжелые, но безуспешные бои в полесских болотах на реке Стоход. В сентябре противнику удалось стабилизировать фронт, а Ставка упустила шанс вывести в 1916 г. из войны Австро-Венгрию. Потери российской армии в ходе летней наступательной операции составили 497 тыс. человек.

Тем не менее «Брусиловский прорыв» сыграл главную роль во всей кампании 1916 г. Австро-венгерская армия потерпела сокрушительное поражение. Она потеряла 1,5 млн. человек убитыми и ранеными, еще 420 тыс. были взяты в плен. Противник вынужден был прекратить наступление в Трентино против Италии и ослабить натиск под Верденом. Под влиянием Брусиловского прорыва на стороне Антанты 14 (27) августа 1916 г. в войну вступила Румыния. Правда, этот союзник, которого так настойчиво пыталась заполучить Франция, принес России лишь серьезные проблемы. Румынская армия, абсолютно не подготовленная к войне, в сентябре 1916 г. была разгромлена и, без боя сдав Бухарест, в ноябре откатилась к российской границе. В результате для обороны нового Румынского фронта длиной 500 км России пришлось выделить четверть своих вооруженных сил (35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий).

Роль Восточного фронта в срыве германских планов войны. К началу 1917 г. Восточный фронт обороняли 147 российских пехотных и 40 кавалерийских дивизий (7,5 млн. солдат на фронте и 2,5 млн. в тылу). Это составляло 44 % вооруженных сил Антанты. При этом Россия занимала крайне невыгодное положение среди союзников. Она одна три с половиной года удерживала огромный фронт от Балтики до Черного моря длиной 1934 км (не считая 1100 км Кавказского фронта) против натиска

трех держав. В то же время на Западном фронте длиной 630 км против одной Германии сражались объединенные войска Франции и Англии.

За время войны в российскую армию было мобилизовано, по различным оценкам, от 15,5 до 18,5 млн. человек, а ее потери только убитыми составили 2—3,3 млн. Еще от 1,5 до 3 млн. человек попало в плен, столько же было искалечено. За три года войны был полностью выбит кадровый состав российской армии (1,4 млн. человек), а также военнообязанные первой и второй очереди (5,6 млн.). Им на смену пришли 10,6 млн. необученных, плохо вооруженных новобранцев. Почти полностью погибла гвардия — от нее остались только названия полков. Из 49 тыс. кадровых офицеров к 1917 г. в строю осталось 24 тыс. Состав частей за войну менялся 10—12 раз, их боевые традиции были утрачены. Армия переродилась и перестала понимать, за что воюет. Такова была цена, которую Россия заплатила за социально-экономическое отставание от Запада и бездарность своих генералов. Свою лепту внесла и политика Антанты — воевать до последнего российского солдата. Если потери английской армии на 1000 солдат составляли 6 человек, французской армии — 59 человек, то в российской армии — 85 человек.

И все же Восточный фронт держался и к началу 1917 г. сдерживал натиск 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизий противника (более 50 % всех войск Германии и Австро-Венгрии). В январе 1917 г. новый начальник российского Генштаба — герой войны генерал В. О. Гурко — начал реформу армии. Она должна была увеличить численность российских дивизий до 288, сохранив их боеспособность на прежнем уровне. Главной же целью реформы было уменьшить людские потери. До завершения реформы, которая планировалась на конец 1917 г., генерал В. О. Гурко отказался бесцельно жертвовать жизнями российских солдат. Для того чтобы сковать силы немцев, было решено ограничиться только второстепенными наступательными операциями. Таким образом, к концу 1917 г. количество дивизий русской армии значительно превысило бы количество дивизий остальных союзных армий вместе взятых, а их оснащение боевой техникой не уступало бы германскому. После этого планировалось нанести главный удар по Австро-Венгрии, как слабейшему звену в коалиции противника, и заставить ее капитулировать.

В то же время положение Центральных держав день ото дня становилось все критичнее. К концу 1916 г. Германия выкачала все людские ресурсы и в декабре ввела всеобщую трудовую повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. В стране начался голод. В Австро-

Венгрии в армию были призваны лица 55-летнего возраста. Она предупредила Германию, что дольше осени 1917 г. не продержится и начала вести тайные переговоры с Антантой. Однако Николай II категорически отверг любые попытки сепаратного мира. Провалились и планы немцев сформировать особую польскую армию и направить ее против России. В этой ситуации германский Генштаб видел только один выход ликвидировать Восточный фронт — организовать революцию в России.

Библиотека БГУИР